

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 18. «Проставлены все точки до одной»

Выпуск № 109

Фёдор Тютчев

А. Н. Муравьеву

Нет веры к вымыслам чудесным,
Рассудок всё опустошил
И, покорив законам тесным
И воздух, и моря, и сушу,
Как пленников – их обнажил;
Ту жизнь до дна он иссушил,
Что в дерево вливало душу,
Давало тело бестелесным!..

Где вы, о древние народы!
Ваш мир был храмом всех богов,
Вы книгу Матери-природы
Читали ясно, без очков!..
Нет, мы не древние народы!
Наш век, о Други, не таков.

О раб учёной суеты
И скованный своей наукой!
Напрасно, критик, гонишь ты
Их златокрылые мечты;
Поверь – сам опыт в том порукой, –
Чертог волшебный добрых фей
И в сновиденье – веселей,
Чем наяву – томиться скукой
В убогой хижине твоей!

1821

Максимилиан Волошин

из цикла «Два демона»

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер – небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счётчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни – здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я – инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зёрнах мака.
Я тот, кто кинул шарик планет
В огромную рулетку Зодиака!

1911

Выпуск № 493

Лариса Миллер

А где же мелос? Мелос где?
Где Шуберт – тот, что на воде?
Где Моцарт – тот, что в птичьей гаме?
Какая приключилась с нами,
Вернее, с мелосом, беда?
Быть может, утекла вода,
Та, что пригодна для форели?
Стал суше лес и глуше трели?
Или в созвучии «земля»
Совсем запала нота «ля»,
Запала и звучит так глухо,
Что не улавливает ухо?
А, может, больше нет небес
Божественных, поскольку бес

Попутал всю планету нашу
И заварил такую кашу,
Что тошно нам и небесам,
И верхним нотам и басам.

1998

Владислав Ходасевич

Весенний лепет не разнежит
Сурово стиснутых стихов.
Я полюбил железный скрежет
Какофонических миров.

В зиянии разверстых гласных
Дышу легко и вольно я.
Мне чудится в толпе согласных –
Льдин взгромождённых толчея.

Мне мил – из оловянной тучи
Удар изломанной стрелы,
Люблю певучий и визгучий
Лязг электрической пилы.

И в этой жизни мне дороже
Всех гармонических красот –
Дрожь, побежавшая по коже,
Иль ужаса холодный пот,

Иль сон, где некогда единый, –
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия.

1923

Владислав Ходасевич

Звёзды

Вверху – грошовый дом свиданий.
Внизу – в грошовом «Казино»
Расселись зрители. Темно.
Пора щипков и ожиданий.
Тот захихикал, тот зевнул...
Но неудачник облыселый
Высоко палочкой взмахнул.
Открылись тёмные пределы,
И вот – сквозь дым табачных туч –
Прожектора зелёный луч.
На авансцене, в полумраке,
Раскрыв золотозубый рот,
Румяный хахаль в шапоκляке
О звёздах песенку поёт.
И под двуспальные напевы
На полинялый небосвод
Ведут сомнительные девы
Свой непотребный хоровод.
Сквозь облака, по сферам райским
(Улыбочки туда-сюда)
С каким-то веером китайским
Плывёт Полярная Звезда.
За ней вприпрыжку поспешая,
Та пожирней, та похудей,
Семь звёзд – Медведица Большая –
Трясут четырнадцать грудей.
И до последнего раздета,
Горя брильянтовой косой,
Вдруг жидколягая комета
Выносятся перед толпой.
Глядят солдаты и портные
На рассусаленный сумбур,
Играют сгустки жировые
На бедрах Etoile d'amour,
Несутся звёзды в пляске, в тряске,
Звучит оркестр, поёт дурак,
Летят алмазные подвязки
Из мрака в свет, из света в мрак.

И заходя в дыру всё ту же,
И восходя на небосклон, –
Так вот в какой постыдной луже
Твой День Четвёртый отражен!..
Нелёгкий труд, о Боже правый,
Всю жизнь воссоздавать мечтой
Твой мир, горящий звёздной славой
И первозданною красой.

1925

Антон Дельви́г

Подражание Беранже

Однажды Бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке:
Земля вертится в уголке.
"Чтоб для неё я двинул ногу,
Чёрт побери меня, ей-Богу!"

"О человеки всех цветов! –
Сказал, зевая, Саваоф. –
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шею
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Чёрт побери меня, ей-Богу!"

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари,
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал души́ть людей.
Я в том не виноват, ей-ей!

Но я уйму их понемногу,
Чёрт побери меня, ей-Богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого* боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Чёрт побери меня, ей-Богу!"

1821

* Гладкий (Гладков) Иван
Васильевич (1784-1832) – петербургский
оберполицмейстер

Выпуск № 896

Лариса Миллер

Но дали свет. И высветили всё.
И там, где тени робкие скользили
И таяли, видна лишь горстка пыли,
Которую по ветру унесёт.

Где жили блики и полутона,
Где было всё оттенком и намёком
И тайною, – там нынче перед оком
Белёсая и плоская стена.

Проставлены все точки до одной.
Всё понято буквально и дословно
При свете немигающем и ровном,
Спугнувшим тайну с плоскости земной.

1975

Осип Мандельштам

Ламарк

Был старик, застенчивый как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.

Если всё живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогам
Сокращусь, исчезну, как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь в последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в тёмные ножны.

И подъёмный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зелёная могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

Выпуск № 1194

Давид Самойлов

Свободный стих

Профессор Уильям Росс Эшби
Считает мозг негибкой системой.
Профессор, наверное, прав.
Ведь если бы мозг был гибкой системой,
Конечно, он давно бы прогнулся,
Он бы прогнулся, как лист жести, –
От городского гула, от скоростей,
От крика динамиков, от новостей,
От телевидения, от похорон,
От артиллерии, от прений сторон,
От угроз, от ложных учений,
Детективных историй, разоблачений,
Прогресса наук, семейных дрызг,
Отсутствия денег, актёрских масок,
Понятия о бесконечности, успеха поэзии,
Законодательства, профессии,
Нового в медицине, неразделённой любви,
Несовершенства.
Но мозг не гибок. И оттого
Стоит, как телеграфный столб,
И только гудит под страшным напором,
И всё-таки остается прямым.
Мне хочется верить профессору Эшби
И не хочется верить писателю Кафке.
Пожалуйста, выберите время,
Выключите радио, отоспитесь
И почувствуете в себе наличие мозга,
Этой мощной и негибкой системы.

Бахыт Кенжеев

Организация Вселенной
была неясной нашим предкам,
но нам, сегодняшним, учёным,
ясна, как Божий одуванчик.
Не на слонах стоит планета,
не на слонах и черепахах,

она висит в пустом пространстве,
усердно бегая по кругу.
А рядом с ней планеты-сёстры,
а в середине жарко солнце,
большой костёр из водорода
и прочих разных элементов,
Кто запалил его? Конечно,
Господь, строитель электронов,
непостижимый разработчик
высокой физики законов.
Кто создал жизнь? Конечно, он же.
Господь, великий Рамакришна,
подобный самой главной мета-
галактике гиперпространства.
Он наделил наш разум телом,
снабдил печалью и тревогой,
когда разглядывает землю
под неким супермелкоскопом.
А мы вопим: несправедливо!
Взываем к грозному Аллаху
и к Богородице взываем,
рассчитывая на защиту.
И есть в Америке баптисты,
что просят Бога о работе,
шестицилиндровой машине
и крыша чтоб не протекала.
Но он, великий Брахмапутра,
наказывает недостойных,
карая неизбежной смертью
и праведника, и злодея.
Младенец плачет за стеною.
На тополя снежок ложится.
Душа моя ещё со мною,
дрожит и вечности боится.
Напрасен ладан в сельской церкви,
напрасны мраморные своды
Святопетровского собора
в ночном, прохладном Ватикане,
Под чёрным небом, в час разлуки,
подай мне руку, друг бесценный,
чтоб я отвёл глаза от боли,
неутолимой, словно время.

Выпуск № 520

Аполлон Майков

Из бездны Вечности, из глубины Творенья
На жгучие твои запросы и сомненья
Ты, смертный, требуешь ответа в тот же миг,
И плачешь, и клянёшь ты Небо в озлобленье,
Что не отвечает на твой душевный крик...
А Небо на тебя с улыбкою взирает,
Как на капризного ребёнка смотрит мать.
С улыбкой – потому, что всё, все тайны знает,
И знает, что тебе ещё их рано знать!

1892

Василий Жуковский

Смертный и боги

Клеанту ум вскружил Платон.
Мечтал ежеминутно он
О той гармонии светил,
О коей мудрый говорил.
И стал Зевеса он молить:
Хотя минуту усладить
Его сим таинством небес!..
"Несчастный, – отвечал Зевес, –
О чем ты молишь? Смертным, вам
Внимать недолжно небесам,
Пока вы жители земли!"
Но он упорствовал. "Внемли!
Отец, тебя твой молит сын!"
И неба мощный властелин
Безумной просьбе уступил
И слух безумцу отворил:
И стал внимать он небесам,
Но что ж слышалось там?..
Земных громов стозвучный стук,
Всех молний свист, из мощных рук
Зевеса льющих на нас,
Всех яростных орканов глас

Слабей жужжання мошки был
Пред всей гармонией светил!
Он побледнел, он в прах упал.
"О что ты мне услышать дал?
То ль небеса твои, отец?.."
И рек Зевес: "Смирись, слепец!
И знай: доступное богам
Вовеки недоступно вам!
Ты слышишь бурю грозных сил...
А я – гармонию светил".

1829

Выпуск № 398

Николай Заболоцкий

Во многом знании – немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зёрен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я – только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

1957

Константин Бальмонт

Скрижали

Мы раздроблённые скрижали.
Случевский

Как же Мир не распадётся,
Если он возник случайно?
Как же он не содрогнётся,
Если в нём начало – тайна?

Если где-нибудь, за Миром,
Кто-то мудрый Миром правит,
Отчего ж мой дух, вампиром,
Сатану поёт и славит?

Смерть свою живым питает,
Любит шабаш преступленья,
И кошмары созидает
В ликованьи исступленья.

А едва изведав низость,
И насытившись позором,
Снова верит в чью-то близость,
Ищет света тусклым взором.

Так мы все идём к чему-то,
Что для нас непостижимо.
Дверь заветная замкнута,
Мы скользим, как тень от дыма.

Мы от всех путей далёки,
Мы везде найдём печали.
Мы – запутанные строки,
Раздроблённые скрижали.

Выпуск № 928

Зинаида Миркина

Как трудно Божественной силе!
О Боже, опять и опять
Мы, люди, тебя победили,
Тебя ведь нельзя побеждать!

Твоих победителей много,
А Ты – одинокий изгой,
И все победители Бога
Спешат Его сделать слугой.
Но только служить Ты не станешь,
А сбросив Свой зримый покров,
Ответишь великим молчаньем
На наш несмолкающий зов.

Александр Блок

С. Соловьёву

Входите все. Во внутренних покоях
Завета нет, хоть тайна здесь лежит.
Старинных книг на древних аналоях
Смущает вас оцепеневший вид.

Здесь в них жива святая тайна Бога,
И этим древностям истленья нет.
Вы, гордые, что создали так много,
Внушитель ваш и зодчий – здешний свет.

Напрасно вы исторгнули безбожно
Крикливые хуленья на Творца.
Вы все, рабы свободы невозможной,
Смутитесь здесь пред тайной без конца.

1901

Выпуск № 1344

Лариса Патракова

Ты выбрал время?

Текучей, жирной плазмой,
Колючее, ознобное,
Стучится время в разуме,
Как под плитой надгробною.
Измерено, сосчитано,
Умножено, прибавлено,

Секундами убитое,
Столетиями затравлено.
От радости отмазано,
От совести отмытое,
Стучится время в разуме
Привычную орбиту.
Жизнь прочадит огрызочком
Унылой тощей свеченьки
И разлетится брызгами,
Украв себя у вечности.

Ярослав Таран

Суицид

Что стоишь усталый,
что в пути поник ты
головой свободной,
человек разумный?

Отшумели бури,
и лесные тайны
мёртвыми упали
вкруг царя природы.

Посреди пустыни
встали небоскрёбы:
в мире удовольствий –
победивший разум!..
Трон комфорта прочен.

Молча в жилах льётся
лунный смех, лоснится
скука, ищет грязи,
тянет, плоти чистой
алчет униженья...

Стыдно, страшно, сладко...
Вдруг – свободы пути
с тонким визгом рвутся!..

Утром кафель вымыт.
Здравы дни, как цифры.

Вечера – с семьёю.
В воскресенье – церковь...

Табурет откинут.
Беспричинной злобой
затянула горло
стерильная петля.

1999

Выпуск № 224

Лариса Миллер

Прогорели все дрова,
И пожухла та трава,
На какой дрова лежали.
И дощатые скрижали
Разрубили на куски
И пустили в ход с тоски –
Тяжело без обогрева.
Полыхай, святое древо,
Хоть теперь – увы, увы, –
Не сносить нам головы.
Но святыня прогорает,
А никто нас не карает.
Жизнь глухая потекла:
Ни скрижалей, ни тепла,
Лишь промозглый путь куда-то...
Может, он и есть расплата?

1980

Фёдор Тютчев

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушён,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает свою погибель он,
И жаждет веры... но о ней не просит...

Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
"Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!.."

1851

Выпуск № 1286

Лариса Миллер

Мы одержимы пенем.
И вновь, в который раз,
Ты с ангельским терпением
Выслушиваешь нас.
О слушатель незримый,
За то, что ты незрим,
От всей души ранимой
Тебя благодарим.
Чего душа алкала –
Не ведает сама.
От нашего вокала
Легко сойти с ума.
Но ты не утрашился.
И, не открыв лица,
Нас выслушать решился
До самого конца.

1987

Максимилиан Волошин

из поэмы «Космос»

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей

Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.
Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звёздных Галактей,
И только Богу не хватило места.
Пытливый дух апостола Фомы,
Воскресшему сказавший: «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу», –
Разворотил тысячелетья веры.

Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенёс все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.
Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел – всемирным тяготеньем,
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвёрдый, скользкий –
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колёс,
Эллипсов, сфер, парабол – механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохраненья
Материи и Силы.

Человек,

Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем – злейшею из вер,
А вокруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведённых корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как чёрный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

Но неуёмный разум разложил
И этот мир, построенный на ощупь

Вникающим и мерящим перстом.
Всё относительно: и бред, и знанье.
Срок жизни истин: двадцать-тридцать лет –
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности, не знаем ничего:
Ни ёмкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества – есть круговерти силы;
Нет твёрдости – есть натяженье струй;
Нет атома – есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера –
Есть функции различных скоростей.
Всё существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времён текут неравномерно;
Пространство – лишь разнообразье форм.
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где всё
Теряется, ничто не создаётся;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложения и распада;
Сам человек – могильный паразит,
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная – не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть – только случай
Посреди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна,
Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Всё бытие случайно и мгновенно.
Явленья жизни – беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье – вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролёт сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.